

ПОЛИТИКА

О.Ю.Малинова

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ЛИБЕРАЛИЗМА» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Наследие 1990-х в идеологических битвах 2000-х¹

Ключевые слова: либерализм, западничество, образ либерализма, дискурсивное конструирование массовых представлений

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 17-03-00322).

² Черняховский 2006.

³ Нарочницкая 2005: 85.

⁴ Ципко 2004: 5.

⁵ Пивоваров 2014: 46.

Тема либерализма — его перспектив, кризиса, банкротства, краха и проч. — вот уже четверть века не покидает страницы российских журналов, как академических, так и общественно-политических. Пожалуй, ни один другой «изм» не вызывает столь пристрастного внимания публицистов и исследователей. В 1990-х годах выясняли, что такое «настоящий» либерализм и спорили о его перспективах в России, в 2000-х обсуждали причины электорального провала либеральных партий, в 2010-х, когда либерализм, казалось бы, стал исключительно маргинальным, лишенным политического будущего течением, одни продолжают твердить о его крахе, тогда как другие пытаются обратиться к теоретическим «азам» в поисках упущенной сути. При этом не только аналитики, но и критики упорно доказывают, что российские «либералы» «никакого отношения ни к одному из видов либерализма никогда не имели»², что «постсоветское западничество не является подлинным либерализмом»³ и «не имеет ничего общего с национальными русскими традициями либерализма»⁴. Столь упорный интерес к тому, что на российской почве явно не складывается, можно объяснить ощущением структурной необходимости либерализма. В логике идеологических битв, сопутствующих постсоветской трансформации/модернизации России, он представляется — вероятно, не без оснований, — одним из полюсов бинарной системы смыслополагания. Юрий Пивоваров определил ее нынешний формат так: «Сталин и либерализм (либералы). Видимо, в двух этих словах зашифрован современный русский выбор»⁵. Очевидно, что и то, и другое — не столько некие конкретные системы идей, сколько символы, отсылающие к широким множествам смыслов.

**О каком
«либерализме»
идет речь?**

Многозначность термина «либерализм» вносит немалую лепту в «путаницу идеологических адресов»⁶, которой сопровождаются дискуссии о его кризисе. Поэтому стоит определиться с понятиями. Во-первых, либерализм — это «изм», система философских, политических и экономических идей, оформившаяся в Западной Европе

⁶ Термин Вячеслава Кошелева (Кошелев 1994: 124, 129). Речь идет о приписывании оппонентам идей, которые те в действительности не артикулировали.

в XVII—XIX вв., которая в ретроспективе предстает в виде множества исторических форм. По стечению обстоятельств при своем рождении современный российский «либерализм» обладал ограниченным доступом к этой богатой интеллектуальной традиции. И хотя по прошествии четверти века мы имеем отдельные примеры вполне осмысленных рассуждений в русле данной традиции в рамках академического дискурса, эти зачатки либеральных теорий пока никак не связаны с политической практикой. Во-вторых, словом «либерализм» обозначают конкретную *позицию в политическом спектре*, связанную с поддержкой постепенных и умеренных перемен. Но в историю постсоветского периода «либерализм» вошел с определением «радикальный». Впрочем, такое — ситуативное — значение термина релевантно любой политической системе, и в российском контексте тоже иногда используется к месту. В-третьих, «либерализм» — это еще и *набор ценностных установок, задающих политический курс*, который включает в себя приверженность «упрочению гражданских прав и демократизации, политическому плюрализму и толерантности, ненасильственным способам решения внутри- и внешнеполитических конфликтов, экономической либерализации и разгосударствлению»⁷. Именно в этом последнем значении — в качестве политической программы, нацеленной на создание экономических и политических институтов «как на Западе», — «либерализм» и появился на отечественной сцене.

⁷ Fish 1997: 191.

Период его стремительного взлета пришелся на 1989—1991 гг., когда он представлял собой не слишком вычурную, но весьма влиятельную идеологию антикоммунизма. В то время слово «либерал» применялось широко и не всегда по назначению; яркий тому пример — его присутствие в названии созданной в 1990 г. популистской партии Владимира Жириновского (Либерально-демократическая партия Советского Союза). Так было не только в России. Ежи Шацки, изучавший феномен «либерализма после коммунизма» в Восточной Европе, отмечает, что и там этот термин употребляли таким образом, словно он «внезапно стал понятен всем, ибо его включали в лексику повседневных споров и использовали на массовом уровне, вызывая ожидаемые эмоции и ассоциации»⁸. Однако очень скоро, когда наступило разочарование в «либеральных» экономических реформах, границы данного понятия сузились, и его стали относить к вполне конкретной политической силе — сторонникам курса на частную собственность, рынок и демократию.

⁸ Szacki 1995: 2.

⁹ Малинова 1998а.

В этой статье, как и в книге, написанной в конце 1990-х годов⁹, я придерживаюсь репутационного подхода, согласно которому в качестве либерала следует рассматривать «того, кто называет себя так или кого считают таковым его современники и чьи политические и социальные идеи вращаются вокруг проблем, обычно составляющих предмет заботы либералов»¹⁰. В 1990-х годах подобный подход нередко вызывал дискуссии, поскольку репутации еще не утвердились. Теперь же к либералам уверенно причисляют тех, кто в 1990-х годах поддерживал курс на

¹⁰ Freeden 1978: 5.

частную собственность, рынок и демократию, и их политических преемников. Хотя оппоненты нет-нет да и возразят: дескать, не стоит «отдавать это имя и это большое и значимое мировое явление в приватизированное владение кучке самозванцев»¹¹.

¹¹ Черняховский
2006.

Круг партий и движений, считавшихся либеральными, с самого начала был широким и пестрым (в 1990-х годах в этом сегменте одно-временно или последовательно конкурировали «Выбор России» — «Демократический выбор России» (ДВР), «Яблоко», «Вперед, Россия!», «Общее дело», Партия экономической свободы, «Правое дело» и др.), что не способствовало их электоральному успеху. Ни одна из «либеральных» партий даже в период наибольшего влияния не обладала более чем 15% мест в Государственной Думе. В 1999 г. Союз правых сил (СПС) и «Яблоко» в последний раз преодолели электоральный барьер. В 2003 г., когда барьер был поднят с 5 до 7%, их представительство в ГД свелось к единичным мандатам, полученным по мажоритарной системе (4 у «Яблока» и 3 у СПС). С переходом в 2007 г. на пропорциональную систему «либералы» лишились представительства в парламенте. Возвращение в новом избирательном цикле смешанной системы и 5-процентного барьера не исправило положения: на выборах в Государственную Думу в сентябре 2016 г. по партийным спискам «Яблоко» набрало 1,99%, ПАРНАС — 0,73%; ни один кандидат от «либеральных» партий не прошел и по мажоритарным округам.

Некоторые исследователи считают этот электоральный крах следствием политических реформ 2000-х годов, нацеленных на создание ограниченного количества сильных партий, в том числе за счет неравной конкуренции (использование «административного ресурса», отсутствие полноценного доступа к СМИ, фальсификация результатов голосования и проч.)¹². Другие доказывают, что фатальная «тропа поражений» сформировалась не без участия самих либералов и обусловлена организационными и стратегическими ошибками в партийном строительстве, а также неправильным ведением избирательных кампаний¹³. Видимо, как для первой, так и для второй оценки есть основания.

¹² White 2007.

¹³ Fish 1997; Hale
2004.

Впрочем, слабое представительство в законодательной власти компенсировалось участием во власти исполнительной: люди, имевшие репутацию либералов, занимали значимые позиции не только в «реформаторском» правительстве Егора Гайдара, но и позже — и в 1990-х, и в 2000-х, и в 2010-х годах (хотя и с меньшим политическим весом). Это обстоятельство дает оппонентам повод возлагать на них вину за неудачи в экономической и социальной политике.

Оценить успехи либерального дискурса в медиaprостранстве сложнее. Тем не менее общая траектория его позиционирования достаточно очевидна. Если в условиях конфликтного плюрализма 1990-х годов «либералы» достаточно уверенно боролись за гегемонию в печатных и электронных СМИ, то в результате политических реформ начала 2000-х их доступ на телеканалы был существенно ограничен (что, правда, отчасти компенсировалось наличием нескольких сильных либеральных газет

и успехами в освоении Рунета), а в 2010-х, особенно «после Крыма», их дискурс оказался стигматизирован как «антипатриотический» и сосредоточен в узком круге изданий.

Факторы, обусловившие взлет и падение «либерализма» в постсоветской России, давно известны и неплохо описаны в литературе. Это и шаткость идейных оснований (разрыв связей с дореволюционной либеральной мыслью, фрагментарность представлений о развитии «буржуазного либерализма» на Западе, некритическое заимствование либертарианских концепций), и отсутствие прочной социальной базы в лице среднего класса (который таковою не стал, даже если и сложился в «тучные нулевые»), и авторитарный вектор эволюции политического режима, и ошибки самих «либералов». В настоящей статье я сосредоточусь не на структурных ограничениях и «внешнем» факторе (значение которых, несомненно, велико), а на «агентивной» стороне дела. Причем не на том, о чем написано немало, — не на ошибках «либералов» и интригах «злонамеренной» власти, — а на дискурсивном взаимодействии «либералов» и их критиков, совместными усилиями которых и сформировался тот образ либерализма, который в условиях современного консервативного поворота оказался столь удобным для стигматизации и маргинализации. Источниками для моего анализа послужили тексты политиков, имеющих репутацию либералов, а также материалы дискуссий о либерализме в общественно-политических и академических изданиях (печатных и электронных). Поиск релевантных публикаций производился в базах данных ИНИОН РАН, East View и Интегрум.

**«Либералы»
и либерализм:
наследие
1990-х годов**

Кризис, переживаемый сегодня либерализмом, отчасти является следствием той формы, в которой он был изначально сконструирован в 1990-е годы. В данном случае под конструированием может пониматься и социетальный процесс формирования смыслов, и деятельность конкретных индивидов и групп, связанная с отбором тех элементов богатой, но разнородной либеральной традиции, которые казались наиболее актуальными в постсоветском контексте. Слова и действия людей, считавшихся либералами, играли решающую роль при создании образа либерализма в постсоветской России, поскольку в то время ни у масс, ни у лидеров мнений не было внятных представлений об отличных от марксизма-ленинизма «измах». К сожалению, это в значительной мере относилось и к самим «либералам»: не обладая, в отличие от своих дореволюционных предшественников, опытом систематического участия в интеллектуальной жизни Европы/Запада, они были плохо подготовлены к задаче «изобретения» либерализма для своей страны. На то, что именно виделось наиболее существенным, немалое влияние оказывали образование, прошлый социальный опыт, круг общения¹⁴, а также интеллектуальная мода. Это позже усилиями отечественных философов, историков, экономистов и политологов была издана солидная литература о либерализме, на которую могут опираться сегодняшние читатели.

¹⁴ *Полезный анализ политической культуры «либералов» в 1985—1991 гг. см. Лукин 2005.*

А тогда его политическая судьба в России определялась тем, что говорили и делали люди, имевшие мужество — и самонадеянность — назвать себя либералами.

Что же было характерно для той первоначальной конструкции постсоветского российского «либерализма»? И в каких отношениях сделанный тогда отбор ретроспективно может быть признан неудачным?

Во-первых, в контексте трансформации советского режима «либерализм» был цивилизационным выбором, он предлагал вполне определенную модель идентичности — проевропейскую и антисоветскую. Как и их дореволюционные предшественники, «либералы» 1990-х годов настаивали на принципиальной возможности модернизации, под которой понималось развитие институтов западного типа. Справедливости ради надо признать, что тогда — в самом начале нынешнего этапа глобализации — многовариантность путей к Модерну выглядела не столь очевидной. Постсоветский «либерализм» прочно ассоциировался с *радикальным западничеством*. Эта установка отчетливо проявлялась и в высказываниях (чего стоит козыревское: «Наша задача — буквально за волосы себя втащить... в клуб наиболее развитых демократических держав»¹⁵), и в политическом курсе начала 1990-х. Разумеется, «либералы» были не настолько наивны, чтобы не замечать отечественной специфики (правда, о необходимости учета последней больше говорили «яблочники», чем люди из правительства Гайдара). Однако эту сторону либерального дискурса критики предпочитали не замечать. Западничество сочеталось с *принципиальным антисоветизмом*: смутно понимаемое «либеральное» представлялось либо через формулу «как на Западе», либо по контрасту с советским.

Альтернативы такому принципу воображения либеральной утопии, по-видимому, тогда не было. Сложившиеся представления об отечественном прошлом не поддерживали нарратив о вековом стремлении к свободе, на который мог бы опираться постсоветский либеральный проект. Это не значит, что борьба за свободу не была частью истории России, — просто ни дореволюционные, ни советские, ни перестроечные концепции не акцентировали эту сюжетную линию. К сожалению, осознание необходимости дополнить устоявшиеся смысловые схемы прошлого темой свободы пришло лишь в 2000-х годах¹⁶, когда бывшие ресурсы для влияния на общественное мнение оказались утрачены.

В дальнейшем, когда стало очевидно, что консолидация постсоветского общества требует более позитивного образа коллективного Я, критическое отношение «либералов» к национальным традициям¹⁷ вкуче с их демонстративным западничеством легло в основание мифа о «чужеродности» либерального проекта и его принципиальной непригодности для России.

Во-вторых, в «либерализме» 1990-х годов доминировала экономическая составляющая. Само по себе это не было удивительным — в конце концов, трансформация советской плановой экономики действительно составляла наиболее сложную часть политической повестки, и среди

¹⁵ Козырев 1994: 22.

¹⁶ См. Ахиезер и др. 2005; Кара-Мурза (ред.) 2007; Зубов (ред.) 2009а, 2009б.

¹⁷ См., напр. Ранчин 2008.

«либералов» было много профессиональных экономистов. Но экономоцентризм сочетался с технократической верой в «научно обоснованные решения» и вульгарным детерминизмом: считалось, что эффективный демонтаж социалистической экономики является залогом «превращения российской демократии из имитационной в реальную»¹⁸, решения социальных проблем, реинтеграции постсоветского пространства и упрочения позиций России на мировой арене¹⁹. Целью либеральной экономической программы объявлялось создание рыночной экономики. Характерно, что лидеры «Яблока», которое в 1990-е годы позиционировало себя в качестве силы одновременно либеральной и социал-демократической, либеральную часть программы связывали со «снижением налогов, максимальной свободой предпринимательства, резким сокращением регулирования частного бизнеса, созданием максимально большого частного сектора» и «небольшим и относительно дешевым правительством»²⁰. Несмотря на то что ДВР и «Яблоко» отстаивали разные версии экономического либерализма — первые были ревностными адептами «Вашингтонского консенсуса», вторые тяготели к кейнсианству, — и те и другие интерпретировали либерализм как *идеологию «цивилизованного капитализма»*. Частная собственность и свободный рынок представлялись едва ли не ключевыми либеральными ценностями. На фоне кризиса социалистической экономики эти идеи могли казаться привлекательными. Однако когда выяснилось, что от реформ выигрывают немногие, «либерализм», ассоциируемый с рынком и частной собственностью, превратился в идеологию «успешного меньшинства». Это не могло не отразиться на его электоральных перспективах.

В-третьих, «либерализм» 1990-х годов отличался четко выраженной ориентацией на «минимальное, но эффективное государство», что отчасти также было результатом специфического отбора идей (не всякий либерализм видит в государстве «ночного сторожа»), а отчасти — следствием желания «уйти от советского». В этом пункте приверженцы разных версий постсоветского «либерализма» были солидарны. О необходимости «сломать традицию восточного государства», запрограммированного на «полное подавление» общества и экономики²¹, вели речь не только Гайдар и его соратники. «Яблоко» тоже выступало за «государство для людей», «эффективное и компактное»²². Но для проведения реформ требовалось сильное государство, способное заниматься социальной инженерией. «Либералы» много говорили о том, что должно и чего не должно делать государство, но не особенно задавались вопросом о том, как из хаоса, образовавшегося после распада СССР, создать дееспособные государственные структуры. Эта тема ускользала из их дискурса.

Между тем коллапс государства болезненно переживался обществом. Обещанная свобода обернулась «беспределом» — это слово начала 1990-х годов указывает на серьезную проблему, готовое решение которой было трудно найти в западных теориях конца XX в. (хотя в более ранней либеральной традиции тема государства как основы социально-правового порядка играла не последнюю роль²³). Не случайно, анализируя

¹⁸ Улюкаев 1998.

¹⁹ Гайдар 1995а: 174—177; Гайдар 1995б: 43.

²⁰ Явлинский 1997.

²¹ Гайдар 1995а: 41.

²² Реформы 1995: 9—10.

²³ См. Малинова 1998б.

постсоветские преобразования, американский политический философ Стивен Холмс писал, что один из уроков, который западные либералы должны извлечь из российского опыта, — это признание того, что «самым большим и надежным защитником прав человека является либеральное государство. Там, куда оно не достает, систематическая защита и соблюдение прав невозможны»²⁴. К сожалению, отечественные «либералы» 1990-х не усвоили этот урок: они твердили об «обуздании государства», хотя проблема «беспредела» была, что называется, перед глазами. Как справедливо заметил Стивен Фиш, «даже если на либеральных лидеров нельзя возложить всю полноту ответственности за социальный хаос», они «грубо игнорировали проблемы преступности и коррупции»²⁵. Подобная установка «либералов» позднее позволила критикам обвинить их в «развале государства» (что, конечно, было не вполне справедливо, поскольку кризис государственного управления достался им в наследство от предыдущего этапа).

В-четвертых, «либералы» 1990-х годов последовательно отстаивали *проект российской гражданской нации в противовес имперскому*. Это касалось и внутренней политики, и позиционирования России в мире. «Либералы» приняли распад СССР как свершившийся факт (хотя и расходились в его оценках) и принципиально выступали за «отказ от имперских амбиций и раскрепощение общества ради свободного экономического и культурно-социального развития»²⁶, против вмешательства в дела новых независимых государств и бывшего «дутого глобализма»²⁷, против восстановления утраченной мощи сверхдержавы. Странники Гайдара видели в сокращении военных расходов один из источников средств для проведения реформ, подчеркивая необходимость конверсии и снижения затрат на производство вооружений. Позиция «Яблока» в этом вопросе была более гибкой, но и эта часть «либерального» лагеря выступала за «эффективную, последовательную, но экономную» внешнюю политику²⁸. И ДВР, и «Яблоко» безоговорочно осудили первую войну в Чечне и настаивали на переговорах с правительством Джохара Дудаева. Не поддерживая однозначно право наций на самоопределение, они ставили во главу угла права и безопасность индивидов. Как писал главный редактор издававшегося ДВР журнала «Открытая политика» Виктор Ярошенко, «территориальная целостность империи, страны, города — не молах, на алтарь которому надо приносить русских и чеченских детей, наспех одетых в ритуальную военную форму»²⁹. Такая установка полностью соответствовала принципам либерального национализма³⁰. Но в 2000-х годах, когда «суверенитет» стал едва ли не главной ценностью в дискурсе власти, она послужила одним из оснований мифа об «антинациональном» и «непатриотичном» характере российского «либерализма».

В-пятых, важными пунктами «либеральной» повестки 1990-х годов были верховенство права, демократия, свобода слова, права человека и т.п. Однако слабость политических позиций «либералов» не позволяла им эффективно отстаивать эти ценности: в силу сложившегося

²⁴ Holmes 1997: 4.

²⁵ Fish 1997: 208.

²⁶ Гайдар 1995a: 185.

²⁷ Козырев 1995: 49.

²⁸ Лукин 1995: 60.

²⁹ Ярошенко 1995: 36.

³⁰ См. Малинова 2003.

разделения полномочий, даже находясь в правительстве, они не могли определять эти аспекты внутренней политики. Кроме того, после трагических событий 1993 г. защита демократии оказалась не столь однозначной задачей. Некоторые «либералы» встали на сторону Бориса Ельцина и поддержали новую Конституцию, другие доказывали, что демократию не следует понимать «как диктатуру демократов» и что «соблюдение власть имущими демократической процедуры... при достижении политических целей есть ценность не менее важная, чем сами цели»³¹. Формально отстаивая одни и те же ценности, «либералы» по-разному применяли их к текущим реалиям.

³¹ Митрохин 1995.

Подводя итог, можно констатировать, что «либерализм» 1990-х годов ассоциировался с непопулярными идеями «цивилизованного капитализма» и слабого государства, с принципами гражданского национализма и отказом от имперских амбиций. При этом коннотация западничества делала его зависимым от изменчивых отношений с Западом. Несмотря на безусловную приверженность «либералов» верховенству права, демократии и правам человека, слабость политических позиций и особенности тактики (одни выбрали сотрудничество с нелиберальной властью, другие — роль оппозиционных резонеров) не позволили им отстаивать эти ценности достаточно последовательно и эффективно. В дальнейшем такая конфигурация «первоначальных» конструкций сыграла роковую роль в формировании негативного образа либерализма в постсоветской России.

**«Либералы»
и их критики:
идеологические
битвы 2000—
2010-х годов**

Представления о любом «изме» складываются усилиями его проponentов и оппонентов. Массовое сознание не воспринимает нюансы идеологического дискурса, все эти «с одной стороны — с другой стороны», «мы, конечно, „за“, но с пятью оговорками» и т.п. Поэтому версии оппонентов, упрощающие и часто до неузнаваемости искажающие критикуемую точку зрения, играют важную роль в формировании представлений широкой публики. Последние так или иначе опираются на мифы — социально разделяемые нарративы, сводящие сложную реальность к простым и «очевидным» схемам. А следовательно, имеет значение не только то, что пишут или делают представители данной политической силы, но и то, что говорят о них противники и наблюдатели. Образы конкретных «измов» формируются в результате дискурсивного взаимодействия, в котором контрагенты реагируют друг на друга. К сожалению, большинство идеологических сообществ в России носят замкнутый характер и не слишком склонны к содержательной коммуникации с оппонентами³². С учетом этого можно предположить, что в борьбе за образы «измов» преимущественно обладают те, чей дискурс «слышнее» широкой публике.

³² Никитопец-Таркигава, Паин (ред.) 2015.

В 1990-х годах позиции «либералов» в этом смысле были весьма благоприятными, поскольку их дискурс во многом совпадал с основным вектором заявленного политического курса. Их наиболее принципиальные противники — приверженцы государственного регулирования

экономики, «сильной руки», имперских амбиций и возрождения утраченной великодержавности — находились в положении оппозиционных ретроградов. В 2000-х ситуация изменилась. С одной стороны, правительственный курс стал больше отвечать чаяниям «государственников» и «патриотов», в связи с чем их дискурс из маргинального превратился в едва ли не доминирующий. С другой стороны, после произведенной Владимиром Путиным «зачистки» медиасистемы доступ «либералов» к ее ядру — центральным телеканалам — оказался ограничен. Конечно, это заметно отразилось на расстановке сил: влияние критиков на формирование массовых представлений о «либерализме» возросло, возможности самих «либералов» сократились. Но имело значение и содержание конкурирующих дискурсов. Как я попытаюсь показать ниже, упрочению негативного образа, насаждавшегося критиками, способствовала его «правдоподобность» (в плане соответствия сложившемуся восприятию либерализма), равно как и неготовность политиков, сохранявших репутацию либералов, к серьезной корректировке своих подходов.

Провал на думских выборах 2003 г. отчасти стимулировал либеральные партии к «работе над ошибками». Были анонсированы переговоры об объединении СПС и «Яблока» (впрочем, дело ограничилось шумом в прессе). В СПС был запущен сложный процесс обновления лидерства. В 2004 г. «правые» добились определенных успехов на региональных выборах (в шести областях СПС провел своих представителей в местные ЗАКСы, в четырех губернаторских кампаниях поддерживаемые им кандидаты вышли во второй тур). Правда, по оценке Алексея Макаркина, этот результат был достигнут «не столько по причине престижности бренда партии, сколько вопреки ему»: с идеологической точки зрения «ребрендинг» заключался в «прагматичном» скрещивании либерализма и популизма, которое на федеральном уровне было бы трудно воспроизвести, не порывая с «гайдаровской либеральной традицией»³³. Дальнейший ход внутривнутрипартийной борьбы и в СПС, и в «Яблоке» показал, что в силу обстоятельств институционального и личностного характера «либералы» не готовы к существенному пересмотру содержания партийных идеологий.

29 марта 2004 г. в «Ведомостях» вышла статья «Кризис либерализма в России», подписанная находившимся в СИЗО экс-главой ЮКОСа Михаилом Ходорковским. Ее автор — один из главных спонсоров либеральных партий в избирательной кампании 2003 г. — констатировал, что «социально активные люди либеральных взглядов», отвечавшие «за то, чтобы Россия не свернула с пути свободы... свое дело прос...ли». Он жестко критиковал «властных либералов» и призывал «проанализировать наши трагические ошибки и признать вину. Моральную и историческую»³⁴. Спустя две недели в той же газете был опубликован ответ Гайдара, в котором идея покаяния категорически отвергалась. Бывший лидер ДВР и СПС доказывал, что экономическое благополучие 2000-х годов подтверждает эффективность реформ 1990-х («Чтобы существовала

³³ Макаркин 2005: 108.

³⁴ Ходорковский 2004.

эффективная рыночная экономика, в которой доминирует частная собственность, свободные цены, конвертируемая валюта и шестой год кряду продолжается экономический рост, нужно было провести либеральные реформы на руинах советской системы»). Утверждая, что недовольство реформами естественно («Одни выигрывают, другие проигрывают. При этом люди в демократическом мире склонны считать улучшение жизни своей личной заслугой, а ответственность за неудачи предпочитают возлагать на правительство»), Гайдар связывал рост коррупции «с характером режима» и, как и прежде, обуславливал развитие демократии экономическим ростом, поскольку «Россия вплотную подошла к уровню, за которым формирование нормальных, стабильных демократических режимов и возможно, и неизбежно»³⁵. В конце апреля политсовет СПС принял заявление, в котором подчеркивалось, что партия не намерена «поддаваться политическому шантажу» и не будет «каяться в несовершенных грехах»³⁶.

³⁵ Гайдар 2004.

³⁶ Цит. по: Фаризова 2004. «Яблочники» сделали вид, что к ним критика Ходорковского не относится.

Вероятно, столь категоричная реакция была вызвана «оборонными» настроениями: «правые» опасались еще больше ослабить партию перед лицом «врагов». В публикации письма Ходорковского некоторые усматривали провокацию, организованную «сверху»³⁷. При этом «врагов» по-прежнему видели в «старой номенклатуре». Как сформулировал это член Политсовета и один из ведущих менеджеров СПС Антон Баков, «объективно у нас есть всего две серьезные силы — коммунисты и антикоммунисты. Все прочие разговоры — о национал-социалистах, патриотах — считаю праздными»³⁸. Дальнейшее развитие событий показало, что это была неверная оценка. По крайней мере с середины 2000-х годов (если не с конца 1990-х) главными оппонентами «либералов» оказались как раз «патриоты», «державники», «имперцы», «национал-социалисты», «консерваторы» — все те, кого Пивоваров объединил емким словом-символом «Сталин». Разумеется, между этими направлениями существует немало различий, но у них есть общий знаменатель — неприятие вектора преобразований, выбранного в 1990-х, антизападничество и стремление к возрождению «порядка» и «величия». Именно возвышение этого идеологического сегмента в 2010-х годах — включение его идей в риторику власти и квазигосударственную медийную пропаганду — стало ключевым фактором наблюдаемой сейчас стигматизации и маргинализации «либерализма».

³⁷ Гайдар 2004.

³⁸ Цит. по: Архангельская 2005.

Между тем основные направления адаптации «либерализма» к изменившемуся контексту и новым принципиальным оппонентам достаточно очевидны: эта часть «работы над ошибками» была проделана в рамках дискуссии о причинах кризиса постсоветского «либерализма», которая с середины 2000-х годов периодически возобновляется на страницах общественно-политических и академических изданий. Попробую суммировать основные «проблемные места», выявленные анализами, и показать, каким образом в новом политическом контексте они используются противниками «либералов».

Как и следовало ожидать, серьезной проблемой для восприятия «либерализма» стал его *экономоцентризм* вкупе со стремлением части «либералов» — «либералов-делателей», по выражению Андрея Рябова — во что бы то ни стало сохранить «возможность проводить через институты государственной власти рыночные реформы в хозяйственной сфере»³⁹. Критики предпочитают «забыть» о других пунктах либеральной повестки (которые и сами «либералы-делатели» рассматривают «как производное от успешного продвижения к главной цели — построению общества со свободной рыночной экономикой»⁴⁰) и объявляют своих оппонентов ответственными за все провалы в экономике. По словам писателя и леворадикального публициста Захара Прилепина, «мы живем в рынке, рынок едет по нам: все, как и было задумано. Вся наша нынешняя жизнь — это результат удавшихся или не удавшихся (а кто сказал, что они должны всегда удаваться?) либеральных реформ»⁴¹. Что весьма существенно, технократическая сосредоточенность на экономических реформах лишает либерализм человеческого измерения. Идеи свободы и равенства возможностей отодвигаются на второй план, что дает критикам повод утверждать: «Либерализм можно определить как экономическую и социальную доктрину, проповедующую необходимость принесения здоровья общества в жертву здоровью экономики. Необходимость этой жертвы обосновывается тем, что только „здоровая экономика“ способна вытянуть за собой все общество, которое является лишь надстройкой над экономическими процессами»⁴². Как ни прискорбно, эта карикатура не лишена оснований: если в 1990-х «либералы»-реформаторы ставили во главу угла «цивилизованный капитализм», то в 2000-х «либералы-делатели» старались не слишком педантизировать критику авторитарных тенденций, дабы не утратить влияния на экономический курс. И то и другое — следствие их искренней убежденности, что перемены в экономике чуть ли не автоматически повлекут за собой исправление всех зол.

³⁹ Рябов 2006: 23.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Прилепин 2014: 127.

⁴² Холмогоров 2010: 105.

⁴³ Примаков 2012: 3.

⁴⁴ Аверьянов 2013: 9, 11; ср. Делягин 2014: 223.

К сожалению, стремление влиять при невозможности контролировать чревато политическими рисками: сторонним наблюдателям трудно оценить роль конкретных лиц в принятии решений, зато легко обвинить находящихся «во власти» в негативных последствиях выбранного курса. Это излюбленный прием критиков, которые приписывают «либералам» ответственность и за «развал экономики», и за «обогащение „олигархов“, получивших в результате антинародной приватизации природные богатства страны»⁴³, и за расцвет коррупции. Последнее характерно, в частности, для дискурса националистов-антизападников, представляющих российский «либерализм» как силу, действующую в интересах «мировой закулисы». В соответствии с их логикой, «коррупция — это инструмент либералов для контроля над нелиберальными экономиками», позволяющая «создавать схемы и механизмы по... распределению национальных богатств и ресурсов на „варварской“ территории»⁴⁴. Тем, кто не верит в теории заговора, абсурдность этого аргумента очевидна. Но факт

остается фактом — в 1990-х годах Гайдар и его единомышленники действительно полагали, что «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно „выкупить“». Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности»⁴⁵. Сегодня понятно, что такое представление было наивным и ошибочным. Однако «правые» предпочитают не вспоминать о неоправдавшихся прогнозах и настаивают, что все делалось в целом правильно.

⁴⁵ Гайдар 1995: 143—144.

С одной стороны, тактику непризнания ошибок используют все политики (иной вопрос — надо ли это делать тотально), с другой стороны, это только раззадоривает критиков. Как говорил в своем выступлении в МГУ Евгений Примаков, не стоило бы ворошить уже пережитое прошлое, если бы не то обстоятельство, что «неолибералы в современной России за редким исключением не только не выступают с критикой псевдолибералов 90-х, но, напротив, превозносят их»⁴⁶.

⁴⁶ Примаков 2012: 4.

Если публицисты, процитированные выше, артикулируют установки националистов и левых радикалов, то идеи, высказанные в публичной лекции Примакова с характерным названием «Пределы либерализма для России», могут рассматриваться как выражение позиции «государственнического» мейнстрима. Лекция состоялась в ноябре 2012 г., когда еще не остыла поствыборная борьба за содержание нового политического курса Путина. Утверждая, что «в правительстве России сложились два центра с несовпадающими и зачастую противоположными взглядами», Примаков критиковал неолибералов во власти и доказывал, что «без государственного вмешательства в экономику невозможно и усовершенствовать в России рыночный механизм, и достичь необходимого для научно-технического прогресса уровня конкуренции»⁴⁷. Эта точка зрения является отражением сформировавшегося в 2000-х годах широкого консенсуса, по отношению к которому «либералы», имеющие репутацию сторонников «разгосударствления», выступают в роли принципиальных оппонентов.

⁴⁷ Там же: 5, 7.

Либерализм в России ассоциируется с *либертариистской позицией «правых»*; социал-либеральный уклон «яблочников» воспринимается как нечто девиантное — возможно, потому, что не имеет реального политического веса (не с ним спорят критики). Между тем исследователи общественного мнения и массового политического поведения вполне солидарны в том, что при прочих равных условиях электоральные перспективы той версии «либерализма», для которой в конце 1990-х годов был придуман идентификатор «правая сила» (характерно, что, играя с коннотациями правизны/правоты, его авторы ушли от собственно либеральной семантики⁴⁸), существенно хуже, чем у социального либерализма⁴⁹. (Причины электоральных

⁴⁸ О семантике «правой идеи» см. Афанасьев 2011; ср. Киселев 2007.

⁴⁹ Капустин 2004; Рябов 2006: 25; Тихонова 2013; Урнов 2013; Аврамова 2015.

неудач «Яблока» — предмет отдельного разговора, поскольку они обусловлены еще и организационными особенностями партии Григория Явлинского, а также проблемами лидерства и неудачным менеджментом избирательных кампаний⁵⁰.) Ключевые идеи, с которыми связан образ «либерализма», тиражируемый его проponentами и оппонентами, — разгосударствление экономики, свободный рынок, частная собственность плюс политические права — могут быть привлекательными лишь для узких групп в российском обществе, тогда как проблема бесправия, на которую в либеральной традиции есть свои ответы, важна для гораздо более широких слоев.

⁵⁰ См. Hale 2004; White 2007.

В этом заключается едва ли не главная беда постсоветского «либерализма» — он *не говорит на языке, понятном согражданам*, за умы и сердца которых требуется бороться, и в то же время стремится занять позицию ментора, претендующего на знание истины. Как заявил в одном из своих интервью Владимир Рыжков, «проблема России заключается именно в том, что индивидуальные личности, в совокупности образующие наше общество, в массе своей пока не очень либеральны»⁵¹. Эта установка имеет несколько печальных последствий.

⁵¹ Либерализм 2006: 116.

Во-первых, «либерализм» выступает в качестве *идеологии меньшинства*, в лучшем случае безразличной, а в худшем — враждебной большинству. Именно это имел в виду Ходорковский, когда писал: «Русский либерализм потерпел поражение потому, что пытался игнорировать... жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа... Они думали об условиях жизни и труда для 10% россиян, готовых к решительным жизненным переменам в условиях отказа от государственного патернализма. А забыли — про 90%»⁵². Столь отчетливо выраженный антипопулизм, нежелание принимать во внимание ожидания «туземной российской массы, не избавившейся от патернализма»⁵³, встречают вполне закономерную реакцию аудитории. Как едко заметил Прилепин, «есть вещи, которые поважнее вашей свободы. Например, наша жизнь»⁵⁴.

⁵² Ходорковский 2004.

⁵³ Ципко 2004: 11.

⁵⁴ Прилепин 2013: 136.

Во-вторых, убежденность в «нелиберальности» основной массы «индивидуальных личностей» заставляет уповать на авторитарную модернизацию, призванную обеспечить экономический рост, который со временем сформирует прочную базу для либеральной политики в лице «среднего класса». Возникает такое парадоксальное явление, как «*патерналистский либерализм*», который, «предполагая построение свободного общества как цель... исходит из возможности ограничения свободы как базовой конститутивной ценности»⁵⁵.

⁵⁵ Мельник 2015: 46; ср. Автономов 2015: 22.

В-третьих, элитистская ориентация «либералов» влечет за собой ошибки в политической коммуникации. Как писал, анализируя опыт 1990-х годов, Фиш, «либеральные политики — как те, кто служил в правительстве Ельцина, подобно Гайдару, так и те, кто не служил, подобно Григорию Явлинскому, — выказывали куда больше интереса к воспитанию и поучению избирателей, нежели готовности слушать их, убеждать и мобилизовывать общественную поддержку реформ»⁵⁶.

⁵⁶ Fish 1997: 210; ср. Рубцов 2003: 180.

Безусловно, мобилизация поддержки — трудная задача для любых реформаторов, особенно в отсутствие готовой социальной базы. Однако нельзя не согласиться с Андреем Цыганковым, что «либералы в России не смогут овладеть умами людей, если будут пользоваться репутацией защищающих сильных мира сего»⁵⁷. По-видимому, в том, что относительный рост «среднего класса» в 2000-е годы не принес «либералам» ожидаемой поддержки, виновато не только специфическое «качество» этого роста (как известно, значительную долю тех, кто по критериям дохода и стандартов потребления принадлежит к этой группе, составляют чиновники и силовики), но и недостаточная привлекательность либеральной публичной повестки для экономически самостоятельных и социально ответственных групп населения.

⁵⁷ Цыганков 2013: 29.

«После Крыма»: стигма «пятой колонны Запада»

Эти и другие просчеты «либералов» позволяют критикам из консервативного/национал-патриотического лагеря объявлять их «антинародной» и «антипатриотической» силой. Собственно, именно это и привело к их стигматизации «после Крыма», когда «патриотизм» стал главным инструментом мобилизации поддержки режима Путина. Но при всем том, что подобные обвинения — следствие разного понимания патриотизма и национального чувства, лежащие в их основе аргументы могут казаться правдоподобными, ибо они апеллируют к узнаваемому образу. Разумеется, речь идет об односторонней, избирательной интерпретации фактов в условиях, когда ограничение доступа к широкой аудитории лишает «либералов» возможности эффективно разоблачать мифологические конструкции. Тем не менее критики эксплуатируют тот образ «либерализма», который сложился при участии самих «либералов». Помимо гипертрофированной приверженности «здоровой экономике» и снобистского невнимания к потребностям «нелиберальных» сограждан, обсуждавшихся выше, основаниями для обвинений в «антинародности» и «антипатриотизме» служат «ответственность» «либералов» за политику 1990-х годов, их позиция по национальному/имперскому вопросу и демонстративное западничество.

⁵⁸ По иронии судьбы в начале 2000-х годов именно либеральный дискурс активно развивал эту дихотомическую конструкцию: «эпоха Путина» резко противопоставлялась «эпохе Ельцина». Официальный дискурс того времени подчеркивал их преемственность (подробнее см. Ранчин 2008).

⁵⁹ Проханов 2004.

⁶⁰ Не имея возможности анализировать эволюцию таковых, сошлюсь на обстоятельную статью Эдуарда Соловьева (Соловьев 2005).

Прочно усвоенный массовым сознанием миф о «тучных нулевых» и «лихих девяностых»⁵⁸ покоится на представлении, что именно «либералы» «разгромили страну» и «поставили народ и государство на грань исчезновения»⁵⁹. И хотя такая смысловая конструкция — очевидно некорректное упрощение казалось бы недавнего прошлого, коллективная память, как известно, структурируется общественно-доступными фреймами, которые часто основаны на бинарных оппозициях. К сожалению, борьбу за фреймирование новейшего периода отечественной истории «либералы» пока проигрывают.

Их принципиально критическое отношение к идее «сильного государства», их согласие с распадом СССР как свершившимся фактом, их отношение к войне в Чечне и внешнеполитические установки⁶⁰

⁶¹ Речь прежде всего идет об идее «либеральной империи», с которой в предвыборном 2003 г. выступили Анатолий Чубайс и Леонид Гозман (см., в частности, Чубайс 2003).

⁶² Цинко 2004: 20.

⁶³ Цыганков 2013: 30.

⁶⁴ Ходорковский 2004.

⁶⁵ Панарин 2000: 224.

⁶⁶ Дугин 2005: 57.

⁶⁷ Новохатский 2010: 115.

оказались в явном противоречии с возобладавшем в конце 1990-х — начале 2000-х годов стремлением к «возрождению великой России». Отдельные политики из либерального лагеря попытались, правда, «оседлать тренд»⁶¹, но это не повлияло существенно ни на позицию их соратников, ни на имидж «правых» в глазах общественности. В контексте гегемонии дискурса о «возрождении великой России» все, что прежде говорили и делали «либералы», позволяет критикам утверждать, что «сегодня мы имеем дело с антинациональным, антирусским либерализмом, который рассматривает и традиционную российскую государственность, и претензии на державность, и, самое главное, русское национальное сознание как своих главных врагов»⁶². С этим обвинением бороться сложно, поскольку речь действительно идет о принципиальных установках: либеральное понимание патриотизма отличается от великодержавнической и апологетической его версии, характерной для консервативного дискурса. Кроме того, «либералы» не могут отказаться от критики эволюционирующего в авторитарном направлении режима. Тем большее значение приобретает принцип разграничения лиц и институтов, который Цыганков сформулировал так: «Либералы могут и должны подвергать решительной критике отдельных лидеров и представителей верховной власти, но непозволительно при этом ставить под сомнение сам институт российской государственности»⁶³ (ср. у Ходорковского: «Независимо от того, нравится нам Владимир Путин или нет, пора осознать, что глава государства — не просто физическое лицо. Президент — это институт, гарантирующий целостность и стабильность страны»⁶⁴).

Наконец, в контексте антизападнического поворота в дискурсе власти, обозначившегося с самого начала третьего президентского срока Путина, едва ли не главным основанием для стигматизации «либералов» стало их западничество. Собственно, эта тема уже давно фигурирует в национал-патриотическом / консервативном дискурсе. Страницы журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» пестрят заголовками «Либерализм — смерть России», «Двойное дно либерализма», «Либерализм — глобальный убийца», «Хороший либерализм — мертвый либерализм» и т.п. В этом сегменте российского идеологического спектра принято считать, что «либерализм в лице теории глобального открытого общества стал обоснованием американского экспансионизма и гегемонизма»⁶⁵ и что «именно США выступают главным спонсором либеральных реформ в планетарном масштабе»⁶⁶. Отсюда один шаг до заговора «мирового правительства», которое «навязало либерализм» и тем самым «развязало мировой этнотеррор против могучих народов мира и их государств»⁶⁷. К сожалению, в «посткрымском» контексте эти идеи вышли за рамки «сектантских» изданий и оказались частью широкого медийного дискурса.

Главными аргументами в поддержку тезиса о «либералах» как «пятой колонне Запада» служат экономические реформы Гайдара,

которые проводились на основе неоконсервативных рецептов, получивших название «Вашингтонский консенсус», а также роль США в «цветных революциях» на постсоветском пространстве. И если второе не имеет прямого отношения к российским «либералам», то первое безусловно является камнем в их огород. Разумеется, подобное обвинение не вполне справедливо. Как доказывает в своем обстоятельном исследовании связей между неолиберальными экономическими концепциями и политикой правительства Ельцина—Гайдара американский политолог Питер Рутланд, «российские реформаторы не следовали слепо идеологической повестке, предписанной им в Вашингтоне, округ Колумбия. Действительная политика существенно отклонялась от доминирующей неолиберальной ортодоксии и в значительной мере подчинялась интересам элит, принимавших политические решения»⁶⁸. Но даже если бы это заключение можно было донести до широкой общественности, это вряд ли бы улучшило репутацию «либералов», поскольку они-то и были частью элит, принимавших решения. И для вышедшего из академической среды Гайдара соответствие действий его правительства «истинам» неолиберальной экономической теории было веским аргументом в пользу проводимого курса. Справедливости ради здесь необходимо отметить избирательность восприятия «либерализма» в лагере его противников: их внимание всецело сосредоточено на «правой» версии российского либерализма; позиция «яблочников», изначально выступавших в роли оппонентов гайдаровских реформ, остается за рамками данной дискуссии (отчасти потому, что она имела меньший политический вес, отчасти потому, что «критикам» удобнее работать с упрощенным образом врага).

Однако ответственность «либералов» за экономические реформы — лишь часть проблемы. В «посткрымском» контексте едва ли не главной их ахиллесовой пятой оказывается принципиальное западничество. Эта проблема носит системный характер. В начале 1990-х годов эксплуатация мифологического образа «западного другого» компенсировала отсутствие внятной программы будущего. Несмотря на то что в дальнейшем в результате диверсификации каналов коммуникации этот образ существенно усложнился, он по-прежнему лежит в основании российской либеральной утопии. В силу этого зачастую недружественное России поведение Запада, которое к тому же не всегда отвечает либеральным идеалам, систематически разрушает привлекательность таковой. Не только противники либерализма⁶⁹, но и его сторонники признают, что «сегодня... в большей части мира Запад все чаще ассоциируется с играми в геополитику и все реже — с идеалами терпимости, справедливости и свободы»⁷⁰ и что современные практики общества потребления обостряют противоречия между внутренней и внешней свободой⁷¹. Представляется, что подобное положение вещей ставит в повестку дня российского либерализма формирование более автономного образа желаемого будущего и принципиальный отказ от того, что Сергей Булгаков в свое время назвал «„религиозным“ отношением

⁶⁸ Rutland 2013: 332.

⁶⁹ См. Нарочницкая 2005: 87; Филаретов 2011: 80—81; Дунаев 2011 и др.

⁷⁰ Цыганков 2005: 53.

⁷¹ Евлампиев 2015.

к Европе как кумиру». Сто лет назад ему казалось, что «по мере того, как Россия цивилизуется и сама в этом отношении западает», возникает «более трезвое и деловое, а потому и более справедливое» отношение к Европе⁷². К сожалению, после четверти века постсоветской трансформации задача преодоления «религиозного» западничества остается столь же актуальной.

⁷² Булгаков 1915: 37—38.

Заключение

Политическая судьба либерализма в современной России сложилась не слишком удачно в силу совокупности обстоятельств. «Виноваты» и недостаток опыта, и отсутствие прочной социальной базы, и авторитарный вектор эволюции режима, и по большей части неблагоприятный политический расклад — эти внешние по отношению к либеральным партиям и движениям факторы никоим образом нельзя сбрасывать со счетов. Однако, как я попыталась показать выше, отчасти «виновата» и та комбинация идей, с которой «либералы» выступали в 1990-х годах и которую не смогли достаточно решительно пересмотреть в 2000-х. Либерализм в современной России прочно ассоциируется с западничеством, упором на рыночные реформы в хозяйственной сфере, патерналистской установкой в отношении нелиберального большинства, критикой авторитарных устремлений власти и отказом от имперских амбиций. Если две последние позиции носят принципиальный характер, то западничество, экономоцентризм и элитарный снобизм — скорее следствие групповых культурных установок, сформировавшихся во вполне определенном контексте. Очевидно, что понимаемый *так* «либерализм» обладает слишком узкой поддержкой, чтобы рассчитывать на серьезное политическое будущее. Не могу не согласиться с выводом одного из участников недавней дискуссии на страницах журнала «Общественные науки и современность»: «...Фундаментальной проблемой восприятия либеральной традиции в России выступает не готовность или неготовность людей к свободе, а сложившийся стереотип восприятия либерализма как феномена, враждебного в том числе и распространенным в обществе представлениям о свободе»⁷³.

⁷³ Мельник 2015: 45—46.

Возможно ли «переформатирование» либерализма? Следует признать, что нынешний контекст — сдвиг политической повестки вправо, маргинализация либеральных партий, ограниченный доступ их представителей к наиболее важным медиаканалам и проч. — затрудняет решение этой задачи. Однако основные направления «работы над ошибками» вполне очевидны — они были определены еще в ходе дискуссий середины 2000-х годов. Это признание ответственности за прошлые ошибки, принципиальный отказ от «религиозного» западничества, сдвиг либеральной повестки в сторону проблем, актуальных для «самостоятельных» сограждан, и непременно участие в формировании инфраструктуры «коллективной памяти» о «девяностых» и «нулевых».

⁷⁴ Здесь можно сослаться и на недавнюю дискуссию о социальном либерализме в «Общественных науках и современности», и на ряд статей в «Неприкосновенном запасе» и «Вопросах философии», отчасти цитированных выше.

Некоторую долю оптимизма внушает то, что тема либерализма возвращается в академические дискуссии, причем в отличие от прошлых раундов, когда внимание аналитиков было больше сосредоточено на ее политико-технологических аспектах, множатся ряды специалистов, готовых обсуждать содержание либеральной повестки на фундаментальном, теоретическом уровне⁷⁴. Ведь свежий взгляд на традицию и ее творческое применение к российскому контексту — наиболее верный путь к исправлению неудачного образа либерализма.

Библиография

- Аверьянов** А. 2013. Коррупция, либерализм и русофобия // *Молодая гвардия*. № 1.
- Авраамова** Е.М. 2015. Есть ли в современном российском обществе запрос на социальный либерализм? // *Общественные науки и современность*. № 3.
- Автономов** В. 2015. На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? // *Вопросы экономики*. № 8.
- Архангельская** Н. 2005. Низы не хотят // *Эксперт*. № 11 (458).
- Афанасьев** М.Н. 2011. Типология идеологий: Правая идея // *Общественные науки и современность*. № 4.
- Ахиезер** А., Клямкин И., Яковенко И. 2005. *История России: Конец или новое начало?* — М.
- Булгаков** С.Н. 1915. *Война и русское самоопределение*. — М.
- Гайдар** Е.Т. 1995а. *Государство и эволюция*. — М.
- Гайдар** Е.Т. 1995б. *Записки из зала: Сделай разумный выбор*. — М.
- Гайдар** Е.Т. 2004. Либерализм: Без демократии не получится // *Ведомости*. 16.04.
- Делягин** М. 2014. Либерализм — глобальный убийца // *Наш современник*. № 6.
- Дугин** А. 2005. Патриотизм или либерализм? // *Политический класс*. № 1.
- Дунаев** М. 2011. Тупики либерального сознания // *Молодая гвардия*. № 3.
- Евлампиев** И.И. 2015. Актуальные уроки русского либерализма // *Вопросы философии*. № 6.
- Зубов** А.Б. (ред.) 2009а. *История России. XX век: 1894—1939*. — М.
- Зубов** А.Б. (ред.) 2009б. *История России. XX век: 1939—2007*. — М.
- Капустин** Б.Г. 2004. К вопросу о социальном либерализме // *Логос*. № 6 (45).
- Кара-Мурза** А.А. (ред.) 2007. *Российский либерализм: идеи и люди*. — М.
- Киселев** К.В. 2007. «Правые» партии без «правой» идеологии: к вопросу об идеологической деградации либералов // *Вестник Пермского государственного университета*. Серия «Политология». Вып. 1.
- Козырев** А.В. 1994. *Преображение*. — М.

- Кошелев** В.А. 1994. Славянофилы и официальная народность // *Славянофильство и современность*. — СПб.
- Либерализм** и государственный капитализм (Интервью с депутатом ГД РФ В.Рыжковым). 2006 // *Вопросы экономики*. № 2.
- Лукин** А.В. 2005. *Невежество против несправедливости: политическая культура российских «демократов»*. — М.
- Лукин** В.П. 1995. *С тревогой и надеждой: 1994—1995* (<http://www.yabloko.ru/Persons/Lukin/lukin94-95.html>).
- Макаркин** А. 2005. «Союз правых сил»: Успехи или кризис // *Политический класс*. № 1.
- Малинова** О.Ю. 1998а. *Либерализм в политическом спектре России (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»)*. — М.
- Малинова** О.Ю. 1998б. Либерализм и государство // *Открытая политика*. № 11—12 (34).
- Малинова** О.Ю. 2003. Либерализм и концепт нации // *Полис*. № 3.
- Мельник** Д.В. 2015. Концепция социального либерализма на «рынке идей» современной России // *Общественные науки и современность*. № 2.
- Митрохин** С. 1995. Реабилитация демократии // *Яблоко*. № 9.
- Нарочницкая** Н. 2005. О нашем либерализме, правом и левом // *Политический класс*. № 5.
- Никипорец-Такигава** Н., Паин Э. (ред.) 2015. *Интернет и идеологические движения в России*. — М.
- Новохатский** С. 2010. Приговор либерализму // *Молодая гвардия*. № 11.
- Панарин** А.С. 2000. *Искушение глобализмом*. — М.
- Пивоваров** Ю.С. 2014. О «советском» и путях его преодоления // *Полис*. № 2.
- Прилепин** З. 2013. Почему я не либерал // *Наш современник*. № 11.
- Прилепин** З. 2014. Почему вы либералы // *Наш современник*. № 1.
- Примаков** Е.М. 2012. Пределы либерализма для России // *Вестник Московского университета*. Серия 12: Политические науки. № 6.
- Проханов** А. 2004. Хороший либерализм — мертвый либерализм // *Завтра*. 6.04.
- Ранчин** А. 2008. Мифологии: о некоторых стереотипах современного российского либерального сознания // *Неприкосновенный запас*. № 1 (57).
- Реформы для большинства: Объединение «Яблоко». 1995. — М.**
- Рубцов** А. 2003. Постсовременный либерализм и российский контекст, или Еще раз о некоторых недостатках нашей идеологической работы // *Знамя*. № 7.
- Рябов** А. 2006. Либерализм может состояться в нашей стране только как социальный // *Политический класс*. № 2.
- Соловьев** Э.Г. 2005. Внешнеполитические приоритеты либеральной России // *Полис*. № 4.

- Тихонова Н.Е.** 2013. Социальный либерализм: есть ли альтернативы? // *Общественные науки и современность*. № 2.
- Улюкаев А.** 1998. Демократия, экономическая политика, рынок // *Демократический выбор*. № 1 (77).
- Урнов М.Ю.** 2013. Социальный либерализм в России // *Общественные науки и современность*. № 3.
- Фаризова С.** 2004. «У нас остался один олигарх — Путин Владимир Владимирович» // *Коммерсантъ*. 28.04.
- Филаретов В.** 2011. Двойное дно либерализма // *Молодая гвардия*. № 11.
- Ходорковский М.** 2004. Кризис либерализма в России // *Ведомости*. 29.03.
- Холмогоров Е.** 2010. Либерализм — смерть России // *Молодая гвардия*. № 7.
- Ципко А.С.** 2004. Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма // *Вестник аналитики*. № 17.
- Цыганков А.П.** 2005. Сумерки либерализма: что сулит поражение глобальной реформации // *Политический класс*. № 9.
- Цыганков А.П.** 2013. Александр Панарин как зеркало российской революции // *Идеология и политика*. № 1 (3).
- Черняховский С.** 2006. Либерализм, коммунизм, протолиберализм // *АПН*. 13.09 (<http://www.apn.ru/publications/article10379.htm>).
- Чубайс А.Б.** 2003. *Россия как либеральная империя* (http://www.pgrc.ru/library/civ_09/01.shtml).
- Явлинский Г.** 1997. «Яблоко» знает, где взять деньги // *Общая газета*. 10—16.07.
- Ярошенко В.** 1995. Недоверие // *Открытая политика*. № 2.
- Fish S.M.** 1997. The Predicament of Russian Liberalism: Evidence from the December 1995 Parliamentary Elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 49. № 2.
- Freeden M.** 1978. *The New Liberalism: An Ideology of Social Reform*. — Oxford.
- Hale H.E.** 2004. Yabloko and the Challenge of Building a Liberal Party in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 56. № 7.
- Holmes S.** 1997. *What Russia Teaches Us Now: How Weak States Threaten Freedom*. — Washington (<http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1997-810-31-Holmes.pdf>).
- Rutland P.** 2013. Neoliberalism and the Russian Transition // *Review of International Political Economy*. Vol. 20. № 2.
- Szacki J.** 1995. *Liberalism after Communism*. — Budapest.
- White D.** 2007. Victims of a Managed Democracy? Explaining the Electoral Decline of the Yabloko Party // *Demokratizatsiya*. Vol. 15. № 2.

References

- Afanasiev** M.N. 2011. Tipologija ideologij: Pravaia ideia // *Obschestvennyie nauki i sovremennost'*. № 4.
- Akhiezer** A., Kliamkin I., Yakovenko I. 2005. *Istorija Rossii: Konets ili novoie nachalo?* — M.
- Arkhangel'skaia** N. 2005. Nizy ne khotiat // *Expert*. № 11 (458).
- Averijanov** A. 2013. Korruptsija, liberalism i rusofobija // *Molodaia gvardija*. № 1.
- Avraamova** E.M. 2015. Est' li v sovremennom rossijskom obschestve zaporos na sotsial'nyj liberalism? // *Obschestvennyie nauki i sovremennost'*. № 3.
- Bulgakov** S.N. 1915. *Voina i russkoje samoopredelenije*. — M.
- Cherniakhovsky** S. 2006. Liberalizm, kommunizm, protoliberalizm // *APN*. 13.09 (<http://www.apn.ru/publications/article10379.htm>).
- Chubais** A.B. 2003. *Rossija kak liberal'naia imperija* (http://www.prpc.ru/library/civ_09/01.shtml).
- Deliagin** M. 2014. Liberalizm — global'nyj ubijtsa // *Nash sovremennik*. № 6.
- Dunajev** M. 2011. Tupiki liberal'nogo soznaniia // *Molodaia gvardija*. № 3.
- Farizova** S. 2004. «U nas ostalsia odin oligarkh — Putin Vladimir Vladimirovich» // *Kommersant*. 28.04.
- Filaretov** V. 2011. Dvoinoe dno liberalizma // *Molodaia gvardija*. № 11.
- Fish** S.M. 1997. The Predicament of Russian Liberalism: Evidence from the December 1995 Parliamentary Elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 49. № 2.
- Freeden** M. 1978. *The New Liberalism: An Ideology of Social Reform*. — Oxford.
- Gaidar** Y.T. 1995a. *Gosudarstvo i evoliutsia*. — M.
- Gaidar** Y.T. 1995b. *Zapiski iz zala: Sdelai razumnyi vybor*. — M.
- Gaidar** Y.T. 2004. Liberalizm: Bez demokratii ne poluchitsia // *Vedomosti*. 16.04.
- Hale** H.E. 2004. Yabloko and the Challenge of Building a Liberal Party in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 56. № 7.
- Holmes** S. 1997. *What Russia Teaches Us Now: How Weak States Threaten Freedom*. — Washington (<http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1997-810-31-Holmes.pdf>).
- Kapustin** B.G. 2004. K voprosu o sotsial'nom liberalizme // *Logos*. № 6 (45).
- Kara-Murza** A.A. (ed.) 2007. *Rossiiskij liberalism: ide ii ljudi*. — M.
- Khodorkovsky** M. 2004. Krizis liberalizma v Rossii // *Vedomosti*. 29.03.
- Kholmogorov** Y. 2010. Liberalizm — smert' Rossii // *Molodaia gvardija*. № 7.
- Kiseliev** K.V. 2007. «Pravyie» partii bez «pravoi» ideologii: k voprosu ob ideologicheskoi degradatsii liberalov // *Vrstnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seija «Politologija». № 1.
- Koshelev** V.A. 1994. Slavianofily i ofitsial'naia narodnost' // *Slaviano-fil'stvo i sovremennost'*. — SPb.
- Kozyrev** A.V. 1994. *Preobrazhenije*. — M.

- Liberalizm** i gosudarstvennyj kapitalizm (Interview s deputatom GD V.Ryzhkovym). 2006 // *Voprosy ekonomiki*. № 2.
- Lukin** A.V. 2005. *Nevezhestvo protiv nespravedlivosti: politicheskaia kul'tura rossijskikh «demokratov»*. — M.
- Lukin** V.P. 1995. *S trevogo i nadezhdoi: 1994—1995* (<http://www.yabloko.ru/Persons/Lukin/lukin94-95.html>).
- Makarrkin** A. 2005. «Sojuz pravvykh sil»: Uspekhi ili krizis // *Politicheskij klass*. № 1.
- Malinova** O.Yu. 1998a. *Liberalizm v politicheskom spektre Rossii (Na primere partii «Demokraticeskij vybor Rossii» i obschestvennogo ob'edinenia «Yabloko»)*. — M.
- Malinova** O.Yu. 1998b. Liberalizm i gosudarstvo // *Otrkytaia politika*. № 11—12 (34).
- Malinova** O.Yu. 2003. Liberalizm i kontsept natsii // *Polis*. № 3.
- Mel'nik** D.V. 2015. Kontseptsija sotsial'nogo liberalizma na «rynke idei» sovremennoi Rossii // *Obschestvennyie nauki i sovremennost'*. № 2.
- Mitrokhin** C. 1995. Reabilitatsija demokratii // *Yabloko*. № 9.
- Narochnitskaia** N. 2005. O nashem liberalizme, pravom i levom // *Politicheskij klass*. № 5.
- Nikiporetz-Takigava** N., Pain E. (eds.) 2015. *Internet i ideologicheskie dvozhenija v Rossii*. — M.
- Novokhatsky** S. 2010. Progovor liberalizmu // *Molodaia gvardija*. № 11.
- Panarin** A.S. 2000. *Iskushenije globalizmom*. — M.
- Pivovarov** Yu.S. 2014. O «sovetskom» I putiakh ego predolodenija // *Polis*. № 2.
- Prilepin** Z. 2013. Pochemu ia ne liberal? // *Nash sovremennik*. № 11.
- Prilepin** Z. 2014. Pochemu vy liberaly // *Nash sovremennik*. № 1.
- Primakov** Y.M. 2012. Predely liberalizms dlja Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 12: Politicheskije nauki. № 6.
- Prokhanov** A. 2004. Khoroshij liberalism — mertvyj liberalizm // *Zavtra*. 6.04.
- Ranchin** A. 2008. Mifologii: o nekotorykh stereotipakh sovremennogo hjsijskogo liberal'nogo soznaniija // *Neprokovennyyi zapas*. № 1 (57).
- Reformy** dlja bol'shinstva: *Ob'edinenije «Yabloko»*. 1995. — M.
- Riabov** A. 2006. Liberalizm mozhet sostoiat'sia v nashei strane tol'ko kak sotsial'nyi // *Politicheskij klass*. № 2.
- Rubtsov** A. 2003. Postsovremennyj liberalism i rossijskij kontekst, ili Esche raz o nekotorykh nedosatkakh nashei ideologicheskoi raboty // *Znamia*. № 7.
- Rutland** P. 2013. Neoliberalism and the Russian Transition // *Review of International Political Economy*. Vol. 20. № 2.
- Soloviev** E.G. 2005. Vneshnepoliticheskie prioritety liberal'noi Rossii // *Polis*. № 4.
- Szacki** J. 1995. *Liberalism after Communism*. — Budapest.
- Tikhonova** N.Y. 2013. Sotsial'nyi liberalism: est' li al'ternativy? // *Obschestvennyie nauki i sovremennost'*. № 2.

- Tsygankov** A.P. 2005. Sumerki liberalizma: chto sulit porazhenije global'noi reformatsii // *Politicheskij klass*. № 9.
- Tsygankov** A.P. 2013. Aleksandr Panarin kak zerkalo rossijskoi revoljutsii // *Ideologija i politika*. № 1 (3).
- Tsytko** A.S. 2004. Razmyshlenia o prorode i prichinakh krakha post-sovetskogo liberalizma // *Vestnik analitiki*. № 17.
- Ul'ukaev** A. 1998. Demokratija. ekonomicheskaja politika, rynek // *Demokraticheskij vybor*. № 1 (77).
- Urnov** M.Y. 2013. Sotsial'nyi liberalism v Rossii // *Obschestvennyie nauki i sovremennost'*. № 3.
- White** D. 2007 Victims of a Managed Democracy? Explaining the Electoral Decline of the Yabloko Party // *Demokratizatsiya*. Vol. 15. № 2.
- Yaroshenko** V. 1995. Nedoverije // *Otkrytaia politka*. № 2.
- Yavlinsky** G. 1997. «Yabloko» znaet, gde vziat' den'gi // *Obschaia gazeta*. 10—16.07.
- Yevlampiev** I.I. 2015. Aktual'nyie uroki russkogo liberalizma // *Voprosy filosofii*. № 6.
- Zubov** A.B. (ed.) 2009a. *Istorija Rossii. XX vek: 1894—1939*. — M.
- Zubov** A.B. (ed.) 2009b. *Istorija Rossii. XX vek: 1939—2007*. — M.